

Еще раз о факторах идиоматичности: тавтология и онимизация

Once more on factors of idiomaticity: tautology and onymization

Баранов А. Н. (baranov_anatoly@hotmail.com)

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В докладе рассматриваются два новых параметра идиоматичности: тавтология и онимизация. Сущность тавтологии заключается в том, что во внутренней формы идиомы повторяются те или иные компоненты актуального значения. Онимизация — это перенос свойств имени собственного на имя нарицательное. В докладе обсуждаются примеры тавтологизации и онимизации как факторов идиоматичности.

1. Факторы идиоматичности

Специфика фразеологии в том, что она формируется неоднословными выражениями, занимающими промежуточное положение между грамматикой и словарем. Действительно, по формальной структуре фразеологизмы должны были бы относиться к ведению грамматики, однако они порождаются по нерегулярным правилам и, соответственно, их экономнее хранить в словаре. Нерегулярность правил формирования и функционирования фразеологизмов проявляется в идиоматичности их семантики.

В ряде исследований было показано, что идиоматичность представляет собой сложный феномен, который определяется тремя важнейшими факторами: переинтерпретацией, непрозрачностью и усложнением способа указания на денотат [Баранов, Добровольский 1996; 2008]. Переинтерпретация в общем случае сводится к переосмыслению значения одной или нескольких форм, входящих в состав идиомы, или к переосмыслению всего выражения в целом. Так, актуальное значение идиомы *перекрыть кислород* — ‘лишить кого-л. возможности действовать как он хочет (часто с целью заставить его делать что-л. другое), что сопоставляется с прекращением подачи вещества, жизненно необходимого для дыхания’¹ — возникло в результате переинтерпретации свободного словосочетания *перекрыть кислород*, используемого в контекстах типа

Чтобы прекратить химическую реакцию надо перекрыть кислород. Непрозрачность связана с наличием во фразеологизме таких выражений, которые отсутствуют в составе словаря современного языка и воспринимаются носителями как что-то непонятное (слово *баклуши* в *бить баклуши* или форма *зги* в идиоме *не видно не зги*). Усложнение способа указания на денотат как фактор идиоматичности реализуется в таких ситуациях, когда имеется стандартное обозначение некоторой сущности — например, название *Петербург* и альтернативная усложненная номинация *Северная Пальмира* или наречие *навсегда* (как стандартный способ называния) и идиома *на веки вечные* — как усложненный способ выражения того же смысла.

Факторы или аспекты идиоматичности — переинтерпретация, непрозрачность и усложненность способа указания — сами по себе неоднородны и состоят из различных типов [Баранов, Добровольский 1996; 2008]. Так, в сфере фразеологии переинтерпретация в точном смысле — это переосмысление прямого значения соответствующего словосочетания (ср. выражение *верхушка айсберга* в значении «часть реального природного феномена» и в значении «известная часть некоторой ситуации, большая часть которой остается тайной»). Интенциональная переинтерпретация характеризует такие идиомы, которые в прямом значении не имеют экстенционала (*буря в стакане воды, ходячий анекдот, покапать небо в алмазах*). Среди типов непрозрачности выделяется, например, непрозрачность редуцированной формы (*пуститься во все тяжкие*, вместо *пуститься во все тяжкие грехи*) и компонентная непрозрачность (ср. несловарность компонента

¹ Толкование М. М. Вознесенской из [ФОС]. Здесь и далее используется нотация записи толкования, принятая в [ФОС], в соответствии с которой внутренняя форма идиомы отражается в семантической экспликации курсивом.

лясы в *точить лясы* или *утряку* в идиоме *по утряху*) Существуют и другие типы указанных факторов идиоматичности, обсуждаемые в [Баранов, Добровольский 1996] и более подробно рассматриваемые в [Баранов, Добровольский 2008]. Однако исчерпанность списка типов переинтерпретации, непрозрачности и усложненности указания вряд ли можно доказать. И действительно, обнаруживаются и другие типы факторов идиоматичности, не упомянутые в указанных исследованиях, два из которых будут рассмотрены ниже. Это тавтология и онимизация.

2. Тавтология как тип усложнения способа указания

Начнем с тавтологии. Она характеризует идиомы *маменькин сынок*, *маменькина дочка*, *папина/папенькина дочка*, *папин/папенькин сынок*. Суть данного фактора идиоматичности в том, что внутренняя форма тавтологических фразеологизмов повторяет какие-то части плана содержания своих же компонентов — чаще всего главных в смысловом отношении. Действительно, значение слова *сын* (и уменьшительная форма *сынок*) включает информацию о том, что лицо, являющееся сыном, находится в отношении прямого родства с отцом и матерью. Аналогично слово *дочь* (*дочка*) также указывает на родственные отношения с отцом и матерью. Повторение данной семантической информации во внутренней форме явно избыточно — тавтологично, поскольку сын действительно является сыном своей матери и отца, а дочь, конечно же, дочерью своей матери и отца.

Можно показать, что тавтология во внутренней форме не может быть видом переинтерпретации. Во-первых, сами слова *сын* (*сынок*) и *дочь* (*дочка*) не подвергаются переинтерпретации (переосмыслению). Они и в соответствующих идиомах указывают на определенный тип родства. Во-вторых, в нормальном случае (вне ситуации языковой игры) выражения *мамин сын* (*сынок*), *мамина дочь* (*дочка*), *папина дочь* (*дочка*), *папин сын* (*сынок*) как свободные словосочетания вообще не используются. То же самое можно сказать об этих выражениях с вариантами *маменькин* и *папенькин*. Казалось бы, здесь можно говорить об интенциональной переинтерпретации, то есть о случаях типа *буря в стакане воде*, *адская машина*, *кровавая баня*. Однако при интенциональной интерпретации буквальное прочтение невозможно, поскольку соответствующая ситуация в реальности не существует. Между тем, сочетания *мамин сын* (*сынок*), *мамина дочь* (*дочка*) и т. д. в прямом значении обозначали бы реально существующих лиц, однако чрезмерное дублирование смыслов в словах *мама*, *сын* (*сынок*), *дочь* (*дочка*) приводит к тому, что используется только перенос-

ное значение соответствующих фраз. Не подходят и другие случаи переинтерпретации, обсуждаемые в [Баранов, Добровольский 1996; 2008]. Тавтология во внутренней форме не может рассматриваться и как вид непрозрачности, поскольку все слова, входящие в состав идиом *маменькин сынок*, *маменькина дочка*, *папина дочь* (*дочка*), *папин сын*, являются частью словаря современного русского языка. Иными словами, ничего «непрозрачного», «непонятного» во внутренней форме данных идиом нет.

Остается последний фактор идиоматичности — усложнение способа указания на денотат. И действительно, тавтология, конечно же, усложняет способ указания: вместо *сын* (*сынок*) мы говорим *мамин/маменькин сынок* (*сын*), вместо *дочь* (*дочка*) — *маменькина/папенькина дочка* (*дочь*). Похожим — хотя и не таким! — образом усложняется способ указания с помощью квазисинонимов: *всем и каждому*, *все и вся*, *иметь место быть*, *всего ничего* и под.² В чем-то похоже на тавтологию и усложнение с помощью редупликаций: *на веки вечные*, *век вековать*, *криком кричать*.

3. Сущность идиоматичности при тавтологии

Тавтологизация основывается на повторении каких-то компонентов семантики слов, входящих в состав идиомы. А повторение иконично в том смысле, что, повторяя что-то, мы коммуникативно высвечиваем соответствующий смысл. Именно так и устроена семантика обсуждаемых идиом. Выражение *маменькин сынок* имеет два значения:

1. Мальчик, ведущий себя так, как это свойственно девочкам — вежливый, не участвующий в проказах, драках, получающий хорошие оценки в школе, обучающийся игре на музыкальных инструментах и т. п., *и избыточно с точки зрения информативности названный по родственной принадлежности со стороны матери в скрытом противопоставлении отцу и тем самым осмысляемый как воспитанный матерью*.
2. Мужчина, не проявляющий черт характера, свойственных мужчинам: твердости в принятии решений, настойчивости, способности переносить лишения, страдания и т. п. *и избыточно с точки зрения информативности названный по родственной принадлежности со стороны матери в скрытом противопоставлении отцу и тем самым осмысляемый как воспитанный матерью*.

² Отмечу, что усложнение дескрипции с помощью квазисинонимов вполне могло бы быть названо авторами уже упоминавшихся работ «тавтологией», хотя и по другим основаниям.

Первое значение обнаруживается в контекстах типа *Ольга никогда к нему не относилась серьезно: лопухий соседский мальчишка, мученик пианино, губошлеп и маменькин сынок*; *Одна моя знакомая, милая женщина, не желая, чтобы ее сын вырос нежным маменькиным сынком, разговаривает с ним на уличном сленге*. Второе значение реализуется в примерах, в которых речь идет о взрослом мужчине: *Я, конечно, не Саул, и я тебя понимаю. Никакой ты не враг. Но что мамкин сынок, это точно*. [В. Дудинцев. Белые одежды]; *На кой хер я ввязался в этот идиотский спор? Ведь мне все-таки не восемнадцать лет, ведь я все-таки не маменькин сынок*. [В. Аксенов. Московская сага. Тюрьма и мир]. Из толкований хорошо видно, что именно появление компонента *маменькин*, дублирующего часть смысла слова *сынок*, фокусирует внимание на этом смысле и выделяет те свойства характера, которые, проявляясь у мужчины (мальчика — в первом значении), типичны для женщин. Разумеется, в этом коммуникативном высвечивании играет дополнительную роль и форма прилагательного — *маменькин*, вместо *мамин* (впрочем, в текстах присутствует и эта форма).

В отличие от идиомы *маменькин сынок*, ее аналог — идиома *маменькина дочка* — не имеет первого значения, то есть не употребляется применительно к маленьким девочкам. На то есть чисто прагматические основания: девочки в типичном случае воспринимаются как аккуратные, вежливые, добрые, неконфликтные и т. д. Таков, если угодно, фрейм. Идиоматика по большей части фиксирует отклонения от фрейма. Именно поэтому первое значение у идиомы *маменькина дочка* отсутствует. Что касается взрослых женщин, то девочки, видимо, в обычном случае с возрастом портятся — отсюда и необходимость фиксации необычных случаев отклонения от стандарта, которые, впрочем, все равно оцениваются говорящим не слишком положительно:

маменькина дочка = 'Женщина, утрированно проявляющая черты характера, свойственные именно женщинам: вежливость, аккуратность, терпимость, склонность к музыке, получению образования и т. д., и избыточно с точки зрения информативности названная по родственной принадлежности со стороны матери в скрытом противопоставлении отцу и тем самым осмысляемая как воспитанная матерью'.

Идея «утрированного» проявления женских черт характера передает слабую отрицательную оценку, которая часто проявляется в иронии говорящего: *Это была высокая девица с нежными чертами лица, безукоризненной фигурой. Происходила она из известной московской семьи Фидлеров <...>. Ей пришлось тоже немало хлебнуть, этой кисейной барышне, маменькиной дочке, с ее аристократическими манерами*. [Д. Гранин. Зубр]; *Воспитана, вежлива, но маменькиной дочкой ее не назовешь*. [Корпус Публ.]

В русской идиоматике представлены и два других комбинаторных варианта аналогичного повторения родственных связей во внутренней форме — это идиомы *папина/папенькина дочка* и *папенькин сынок*. Ср. контексты употребления идиомы *папина/папенькина дочка*: <...> *я поняла, что я папина дочка*. *Мы все в папу*. [А. Вампилов. Старший сын]; *Она росла настоящей папиной дочкой, она и внешностью пошла в Вакаров, и характером*. [А. Маринина. Убийца поневоле]. Как и в ранее разобранных случаях, коммуникативное высвечивание родственной связи с отцом приводит к концентрации внимания на сходстве свойств характера отца и дочери, близости их взглядов и т. п.: *папина дочка* = 'Дочь, которая привязана к отцу больше, чем к матери, похожа на него характером, унаследовала какие-то его способности и т. п. или которой отец уделял больше времени при воспитании³, избыточно с точки зрения информативности названная по родственной принадлежности со стороны отца в скрытом противопоставлении матери'.

Сравнительно редко употребляющаяся идиома *папенькин сынок* высвечивает в актуальном значении несколько неожиданные компоненты семантики по сравнению с аналогичными выражениями *маменькина дочка* или *папина дочка*. В имеющихся контекстах употребления речь идет об использовании сыном протекции или помощи со стороны отца: *Он всунул меня в инструментальный цех — работа непыльная, не надо в мазуте копать <...>. Только я его предупредил, чтоб на заводе близко ко мне не подходил, не позорил. Я ж не папенькин сынок какой-нибудь*. [В. Козлов. Школа]; — *Распределили, — пожал он плечами. — Обязательно что ли у него под крылом сидеть. Чтобы все кивали — вот, мол, папенькин сынок*. [Р. Гусейнов. Ибо прежде прошло]; — *Мамочка, не нужно меня искать <...>! Миллионы парней вроде меня едут на фронт. Я не хочу быть маменькиным, а тем более папенькиным сынком, не хочу позорить отца!* [В. Аксенов. Московская сага. Война и тюрьма]

В последнем примере при перечислении свойств *маменькиного сынка* и *папенькиного сынка* речь идет в первом случае о человеке, не проявляющем черт характера, свойственных мужчинам, а во втором — об использовании связей отца для того, чтобы избежать отправки на фронт в действующую армию. Иными словами, противопоставления между отцом и матерью во внутренней форме в рассматриваемом случае нет. Соответственно, толкование идиомы *папенькин сынок* могло бы выглядеть следующим образом: 'Относительно молодой мужчина, использующий помощь своего отца (его связи, положение, ста-

³ Интересно, что интуитивно хочется компонент 'которой отец уделял больше времени при воспитании' оставить для данной идиомы в актуальном значении, а в идиоме *маменькин сынок* перенести во внутреннюю форму.

тус и т. п.) для карьерного роста, решения возникающих житейских и др. проблем *и избыточно с точки зрения информативности — названный по родственной принадлежности со стороны отца*. Интересно, что выражение соответствующего комплекса смыслов по отношению к сыну или дочери, использующих аналогичный «административный» ресурс своей матери, в идиоматике не предусмотрено.

4. Онимизация как фактор идиоматичности

Под онимизацией будем понимать переход имен нарицательных в имена собственные или структурное преобразование имен нарицательных в имена собственные, приводящее к приобретению ими тех или иных семантических свойств имен собственных. Типичные примеры идиом, возникших в результате онимизации — выражения *Софья/Степанида Властьевна* (по отношению к советской власти), *Манька Величкина* «мания величия»; *Голим Голимыч*, *Писец Петрович* «неуспех» и пр.

Онимизация как тип идиоматичности существенно отличается от тавтологии. Во-первых, онимизация чаще всего связана с языковой игрой. Хотя персонификация абстрактного — типичный языковой прием метафоризации, все-таки использование полной формы имени собственного — имени и патронима — по отношению к абстрактной сущности нетривиально. Излишняя уважительность порождает в данном случае смеховой эффект. Во-вторых, онимизация довольно продуктивна и регулярна. Причем регулярна в двух смыслах: из-за регулярности персонификации как способа метафорического осмысления и из-за наличия правила образования отдельной группы выражений, входящих в состав обсуждаемой группы идиом. Сама регулярность образования некоторых выражений такого рода ставит вопрос об отнесении их к идиомам в точном смысле. Выражения *Голим Голимыч* и *Писец Петрович* возникли по общему правилу: «слово, обозначающее проблему или неуспех → слово, обозначающее проблему или неуспех, переосмысленное как имя лица + отчество, образованное от первого слова или напоминающее его⁴». Так, образовав по данному правилу форму *Облом Обломыч*, я обнаружил в Интернете множество примеров употребления этого выражения:

- (1) Приезжаем на вокзал, и начинается *Облом Обломыч*. Та гостиница, в которую мы хотели поселиться, оказывается закрытой, в остальных цены кусаются.

⁴ Возможен даже вариант, когда используется любое отчество, образованное от простого русского имени, ср. *Писец Иваныч*.

- (2) Подруга на меня сердилась две недели — вместо того, чтоб попить холодненького пивка после баньки, она вкушала *облом обломыча!* С новой приятельницей я напилась.

В отличие от *Облом Обломыча*, выражение *Конец Концович* (опять-таки сконструированное по правилу и лишь позже найденное в Интернете) имеет несколько иную семантику, мотивированную идиомой *в конце концов*:

- (3) В самом пресамом *конце концовиче* сцена из Вайнеров: герой в детском доме, мальчика хочет усыновить, трогательно, аж тошнит. [о кинофильме Е. Кончаловского «Побег»]
- (4) В *конце-концовиче* Госдумой был принят Федеральный закон о внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации».

Продуктивность данного способа образования проявляется в его дальнейшем развитии и усложнении — к имени и отчеству может присоединяться фамилия, образованная на основе исходного слова (имени нарицательном), ср. ответную реплику с использованием выражения *Облом Обломыч Обломатов* как реакцию с семантикой удивления и сожаления:

- (5) Парень кричит: — Ты согласна??!! Светка: — Да! Да! Я тебя хочу!! Я СОГЛАСНА НА ВСЕ!!!- Светка бросается на кровать, парень к ней и тут из вороха одежды появляется фигура отца со словами:— Стоп, ребята, я не согласен! — Да... *Облом Обломыч Обломатов...*

Аналогичная форма легко образуется и для выражения *Конец Концович*:

- (6) Ведь всему будет венец — / КОНЕЦ КОНЦОВИЧ РАСКОНЕЦ / Так для этого конца / Мы высылаем удалца / Чтоб с концом он подсобил / Побольше пиплов загубил [А. Палантинский. Под впечатлением шизы]

Регулярность и продуктивность данного способа образования заставляет сомневаться в том, что выражения типа *Облом Обломыч*, *Голим Голимыч* и *Писец Петрович* следует относить к идиомам в точном смысле. Этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Еще одно специфическое отличие онимизации от тавтологии как типа идиоматичности в том, что если тавтология относится к усложнению способа указания на денотат, то выражения, возникшие в результате онимизации, в рассматриваемом отношении негомогенны. Так, идиома *Слава КПСС* (переосмысленный лозунг советских времен *Слава КПСС!*) близка к случаям переинтерпретации (переинтерпрета-

ция грамматических характеристик), идиома *Софья/Степанида Властьевна* соединят черты переинтерпретации и усложнения способа указания на денотат, а *Манька Величкина*, скорее, должна быть отнесена только к усложнению способа указания на денотат.

Такая негомогенность единиц, входящих в класс онимизаций, заставляет предположить, что внутри этой группы находятся различные подклассы, объединяемые только общей идеей преобразования имени нарицательного в имя собственное (вид метафоры персонификации). Действительно, кроме обсужденных примеров, имеются и другие фразеологизмы, возникшие в результате онимизации, количество которых невелико, но семантика весьма разнообразна. Ср. следующие семантические группы:

- имена фольклорных персонажей (*Дед Мороз; Михайло Иваныч; Лиса Патрикеевна*);
- названий растений (*Ванька Мокрый; иван-дамарья*);
- шуточные названия напитков (*Александр Третий* — винтаж тройного одеколona с одеколona «Саша» — как протест против монополии советского государства на спиртные напитки, особенно при отсутствии денег; *Кровавая Мэри* — вполне современный коктейль, состоящий из водки и томатного сока);
- эвфемистические названия феноменов сферы секса (*играть/жить с Дунькой Кулаковой; половые сношения с Дунькой Кулаковой*);

- обценные выражения типа *П... Ивановна/Иванна; Х.. Иванович*;
- отсутствие ресурса (*голый Вася*);
- некоторые феномены сферы болезни и смерти (*пришел Кондратий,хватила Кондрашка*).

Теоретический статус онимизации как фактора идиоматичности требует дальнейшего изучения. Это особенно важно с учетом того, что онимизация является активным процессом образования новых форм в современной разговорной речи.

Идиоматичность — универсальное свойство языковой системы. Выявленные к настоящему времени факторы идиоматичности (см. [Баранов, Добровольский 1996; 2008]) существенны, но вряд ли исчерпывают все возможные языковые механизмы возникновения форм, идиоматически выражающих смысл. Логически исчерпывающее перечисление здесь вряд ли возможно. Остается путь изучения конкретного материала — в частности, репрезентативных словников идиом. Представленный здесь результат анализа словника «Словаря-тезауруса современной русской идиоматики» [Тезаурус] позволяет с осторожным оптимизмом оценивать перспективность подобных исследований.

Литература

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Идиоматичность и идиомы // Вопросы языкознания. № 5. 1996.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
3. Тезаурус — Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. М., 2007.
4. ФОС — Фразеологический объяснительный словарь русского языка. М., 2009.